

служит возражением против идей, выдвигаемых сторонниками зависимости грамматики от национального характера.

Список литературы

1. Вежицкая А. Русский язык // А. Вежицкая. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. – С. 33-88. [Wierzbicka A. Russkiy Yazyk // A. Wierzbicka. Yazyk. Kultura. Poznaniye. M.: Russkiye slovari, 1996. – S. 33-88. (In Russ.)]
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с. [Wierzbicka A. Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov. M.: Shkola “Yazyki russkoy kultury”, 1999. – 780 s. (In Russ.)]
3. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. [Wierzbicka A. Ponimaniye kultur cherez posredstvo kluchevykh slov. M.: Yazyki slavyanskoey kultury, 2001. – 288 s. (In Russ.)]
4. Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // А.Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: изд-во Московского гос. ун-та, 1982. – С. 280-407. [Lossev A.F. O tipakh grammaticheskogo

predlozheniya v svyazi s istoriyei myshleniya // A.F. Lossev. Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniiyu. M.: izd-vo Moskovskogo gos. un-ta, 1982. – S. 280-407. (In Russ.)]

5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОВО, 2000. 146 с. [Ter-Minassova S.G. Yazyk I mezhkulturnaya kommunikatsiya. M.: SLOVO, 2000. – 146 s. (In Russ.)]

6. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. – С. 369-495. [Fillmore Ch. Delo o padezhe // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. X. M.: Progress, 1981. – S. 369-495. (In Russ.)]

7. Чернавская Ю.В. Народная культура и национальные традиции. Минск: изд-во «Беларусь», 2000. – 421 с. [Chernavskaya Yu.V. Narodnaya kultura I natsionalnye traditsii. Minsk: izd-vo “Belarus”, 2000. – 421 s. (In Russ.)]

8. Goddard C. Meaning and Universal Grammar – Theory and Empirical Findings. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2002. – 337 p.

9. Gruber G. Studies in Lexical Relations. Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1970. – 224 p.

УДК 81-2

СЛОВА С ЛОКАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ФУНКЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.585](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.585)

Федосеева Л. Н.

*Доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков
Академии ФСИН России,
г. Рязань*

Алексеева Т. Е.

*Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Академии ФСИН России,
г. Рязань*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются локативы в функции обстоятельства в русле функционально-коммуникативной грамматики. Функция языковой единицы понимается авторами как способ привлечения к достижению определённых целей. У каждого члена предложения есть грамматический стержень, составляющий его типичную языковую оболочку. Авторы исходят из того, что все формы обстоятельства группируются вокруг наречий, соотносятся с наречиями, то есть последние являются грамматикализованным ядром выражения данного члена предложения, и приходят к выводу, что центральными формами обстоятельства места являются местоименные и обстоятельственные наречия, в роли обстоятельства места выступают также фразеологические сочетания наречного характера и имена существительные, входящие в качестве зависимых слов в разные типы словосочетаний, выражающих локативную семантику. Однако, по мнению авторов, следует учитывать, что имя существительное является первичной формой выражения локативности. Всякий раз, когда необходимо локализовать предмет впервые, независимо от контекста или ситуации, обычно прибегают к имени существительному (с предлогом или без него).

Основополагающим в данной работе явился функционально-семантический подход, интегрирующий лексические и грамматические средства на основе общности их функций. Предметом рассмотрения стали единства, имеющие функционально-семантическую основу, что позволило осуществить многоаспектное изучение и описание исследуемого явления. При этом семантическая составляющая языковых фактов, так же как и в структурно-семантических исследованиях, остаётся важнейшей.

ABSTRACT

The article deals with the locatives in the function of an adverbial modifier in terms of functional-communicative grammar. The authors consider the function of a language unit as a way of attaining certain goals. Each member of the

sentence has a grammatical core that makes up its typical language expression. The authors believe that all types of adverbial modifiers are grouped around adverbs and correlate with adverbs, the latter being the grammatical core of this member of the sentence. The authors draw the conclusion that the main forms of the adverbial modifies of place are the pronominal and circumstantial adverbs. The phraseological units of adverbial nature as well as the nouns included into different types of word combinations of locative semantics as dependent elements may also function as adverbial modifiers of place. However, according to the authors it should be taken into account that noun is the primary form of expressing locativity. Whenever it is necessary to localize an object for the first time, regardless of the context or situation, one usually resorts to a noun (with or without a preposition).

The functional-semantic approach that integrates lexical and grammatical means on the basis of their common functions is the fundamental one in this research. The units with the functional semantic basis have been studied making it possible to carry out multifaceted investigation and description of the phenomenon. Nevertheless, the semantic component of the linguistic facts as well as of the structural-semantic research is still the most important one.

Ключевые слова: локативы, функция, обстоятельство, наречие, обособленное обстоятельство, синкретизм.

Keywords: locatives, function, adverbial modifier, adverb, detached modifier, syncretism.

Любая реалья обладает различными функциональными качествами, которые не являются равноправными. «Понятие функции связано с понятием целевого назначения, независимо от того, создаётся ли это назначение природой или человеком. Следует, таким образом, различать понятия: функция, использование и эффект. Функция структурно обусловлена: объект возникает или создаётся с определённой целью, благодаря достижению которой сохраняется объект или система в целом. Но назначение может меняться. В таком случае следует говорить о вторичной, переносной функции объекта. Например, первичной функцией пуговиц является застёгивание одежды. Но иногда они нашиваются для украшения платья, и в этом случае они выступают в переносной, вторичной функции. Использование (употребление) отличается от функции непредусмотренностью системой, но сближается с функцией целенаправленностью действия, в котором проявляется функция. Использование носит нерегулярный характер. ... И, наконец, эффект характеризуется нецеленаправленностью» [1, с. 181].

Таким образом, любая сущность обладает функциональными качествами нескольких видов: теми, что формируются функцией, а также использованием (применением) и эффектами. Это открытое множество постоянно пополняется благодаря новым способам привлечения реалии к достижению определённых целей. «Однако в этом множестве есть центр, ядро, главное функциональное качество, являющееся подлинным предназначением реалии, смыслом, причиной её возникновения и существования в социуме. Представляется именно это ядро именовать функцией реалии. Итак, функция – это то, для чего реалья существует в мире человека; это смысл существования реалии в очеловечиваемом Универсуме; именно функция предопределяет природу реалии», – справедливо отмечает А.Н. Рудяков [2, с. 32]. Функция языковой единицы нами понимается как способ её привлечения к достижению определённых целей.

Наиболее частым носителем локативного значения в предложении является обстоятельство. Наша задача – охарактеризовать локативы в функции обстоятельства в русле функционально-коммуникативной грамматики [3, с. 263-273].

У каждого члена предложения есть грамматический стержень, составляющий его типичную языковую оболочку. Все формы обстоятельства группируются вокруг наречий, соотносятся с наречиями, то есть последние являются грамматикализированным ядром выражения данного члена предложения. Центральными формами обстоятельства места являются местоименные и обстоятельственные наречия: *туда, оттуда, откуда, куда, сюда, там, здесь, впереди, внутри, слева, направо* и т.п. Сюда же относятся и сочетания, являющиеся эквивалентами этих наречий: *в каком месте, в каком направлении* и т.п.

В роли обстоятельства места выступают также фразеологические сочетания наречного характера и имена существительные, входящие в качестве зависимых слов в разные типы словосочетаний, выражающих локативную семантику (за исключением тех случаев, когда это значение выступает переносно, а также если оно имеет оттенок значения объектных или каких-либо других отношений).

Упоминание различных внешних обстоятельств, выраженных предложно-падежными формами, – явление в русском языке не новое. Вспомним зачин многих русских народных сказок: «В некотором царстве, в некотором государстве...». Г.Н. Акимов отмечает: «...в течение многих веков в истории русского синтаксиса <...> были представлены семантические группы обстоятельств – преимущественно места и времени, что связано с самой их сущностью – указывать локальные и темпоральные границы высказывания. Активизация детерминирующих обстоятельств выражается как в повышенной частотности, так и в возросшем их разнообразии» [4, с. 86].

Обстоятельства места по значению подразделяются на три основные группы:

- 1) обстоятельства, обозначающие собственно место;
- 2) обстоятельства, обозначающие направление движения: а) общее направление; б) исходный пункт; в) конечный пункт;
- 3) обстоятельства, обозначающие путь движения, то есть трассу.

Обстоятельства, обозначающие собственно место, выражаются:

1) местоименными и обстоятельственными наречиями места (*там, здесь, сверху, позади, впереди, слева и др.*);

2) формами косвенных падежей имён существительных, называющих место, пространство, помещение, территорию и т.п., или употреблённых в одном из таких значений: а) формами родительного падежа с предлогами *близ, у, около, возле, вдоль, вблизи от* и др., б) формами творительного падежа с предлогами *за, над, под, между, рядом с* и др., г) формами предложного падежа с предлогами *в, на, при* и др.;

3) фразеологическими сочетаниями наречного характера (*на волосок, не за горами, на отшибе* и др.).

В функции обстоятельств, обозначающих общее направление движения, без указания исходного или конечного его пункта, выступают:

1) местоименные и обстоятельственные наречия (*туда, сюда, вперёд, вверх, вниз* и др.);

2) фразеологические сочетания наречного характера (*куда Макар телят не гонял, куда глаза глядят* и др.).

Обстоятельства места, обозначающие исходный пункт действия, движения, представлены:

1) местоименными наречиями (*отсюда, оттуда, откуда* и др.),

2) формами родительного падежа имён существительных с предлогами *из, из-за, из-под, с, от*.

Обстоятельства, обозначающие конечный пункт движения, выражаются:

1) местоименными наречиями (*докуда, досюда, дотуда* и др.),

2) именами существительными а) в форме родительного падежа с предлогом *до*, б) в форме дательного падежа с предлогом *к*, в) в форме винительного падежа с предлогами *в (во), на, за, под*.

Обстоятельства, обозначающие путь движения, выражаются именами существительными а) в форме творительного падежа без предлога, б) в форме дательного падежа с предлогом *по*, в) в форме родительного падежа с предлогом *вдоль*, г) в форме винительного падежа с предлогами *через, сквозь*, д) в форме творительного падежа с предлогами *по-над, по-за* и др.

Приведём примеры употребления фразеологических сочетаний наречного характера в качестве обстоятельств места.

1. *Ощетиненный можжевельник там и сям оживлял прибрежную картину, и, замочаленный льдом по весне и большой водой, измученно лнул к берегу ивняк* (Астафьев); *Независимо от сообщения о Ялтинском самозванце, Варенуха опять принялся по телефону разыскивать Степу где попало и, натурально, нигде его не нашёл* (Булгаков); *Ничего, будут и её дети докторами медицины, и не в какой-то Швейцарии, на краю света, а в великой стране, стране на шестую часть планеты* (Рыбаков).

2. *У неё был рассеянный вид, как будто мысли – где-то за тридевять земель* (Белоусова); *Я подумал, что чекисты повезут меня сейчас Бог знает куда* (Кю); *И пошла вперёд без ориентира, которого, собственно, в этой местности и не*

было, без намеренного направления, куда глаза глядят (Улицкая).

В первом случае фразеологические сочетания наречного характера обозначают собственно место, во втором – общее направление движения.

Итак, в традиционной грамматике локум классифицируется как обстоятельство, не без основания считается, что ведущей формой выражения его является наречие (типа *там, туда, далеко, позади* и т.п.). Однако следует учитывать, что имя существительное является первичной формой выражения локативности. Всякий раз, когда необходимо локализовать предмет впервые, независимо от контекста или ситуации, обычно прибегают к имени существительному (с предлогом или без него). Ср.: *Тюрин велел Павлу, помощнику, идти с ним в контору. Туда же и Цезарь свернул* (Солженицын) или *Ползут по полю два бойца, вдруг рядом взрыв* (Гришковец).

Наречие места выступает как вторичное средство обозначения пространства в условиях дейксиса или анафоры. Таким образом, обстоятельства места являются по своей сути субстантивной категорией [5].

Обстоятельство обслуживает главным образом сказуемое, а из его форм – глагол, обеспечивая полноту его лексического значения, а иногда и заменяя его (см. выше). Сказуемое – главная область применения обстоятельства, главная его сфера. За пределы сказуемого, как и за пределы глагольной формы сказуемого, выходят лишь немногие типы обстоятельств. Например, к обстоятельствам примыкают прилагательные, которые близки к глаголу. Так, в предложении *Среди бумаги были вытоптаны тропки, водопойная и пищевая, к столу и к ванной, на газетных листах, уложенных поверх испанной бумаги, образованы были чайные поляны с компаниями бурых от заварки изнутри и грязных снаружи разнообразных чашек* (Улицкая) обстоятельство места *снаружи* используется при прилагательном, имеющем предикативную (краткую) форму и выступающем в роли сказуемого со связкой *быть* при перестройке данного предложения: *...чашек, которые были грязны снаружи*.

Нередко обстоятельства распространяют и второстепенные члены предложения, например находятся в составе распространённых определений (главным образом причастных оборотов): *Уже позади стоящие вблизи от алтаря, обитые красным бархатом кресла, отгороженные от людей золотым шнуром* (Эфрон). В.М. Никитин называет такие обстоятельства «включёнными» [6, с. 131].

Среди обособленных обстоятельств места в зависимости от способа их выражения выделяются две группы:

1) обособленные обстоятельства, выраженные деепричастием – одиночным или распространённым;

2) обособленные обстоятельства, выраженные наречием или именем существительным с предлогом – также одиночным или с относящимися к нему словами.

Стержнем обособленных деепричастных оборотов является деепричастие, которое входит в систему глагольных форм, однако значение

добавочного (второстепенного) сказуемого у деепричастий в современном русском языке является дополнительным, основным в их семантике выступает значение обстоятельства (образа действия, времени, причины, условия и др.). Обстоятельств места в этой классификации нет. Однако нередко к указанной семантике примешивается пространственное значение, например: *Обойдя стол и перешагнув через лежащую на боку табуретку, он приблизился к дверному проёму, закрытому старенькой занавеской* (Геласимов). Следует отметить, что локативная семантика здесь передаётся преимущественно лексическим способом. Обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями, в этом случае обычно относятся к глагольным сказуемым как определяемым словам. Однако они могут входить и в группу сказуемого, выраженного страдательным причастием. Ср.: *Спеши на званый пир по улице презренной, вчера был поражен я сценой безобразной...* (Н. Некрасов); *Вернувшись в Москву из армии, Николай Ростов был принят домашними как лучший сын, герой и ненаглядный Николушка...* (Л. Толстой); *В полдень, переходя на станции через рельсы, он был оглушен неожиданным свистком паровоза, испугался и, сам того не заметив, пришел в дурное настроение...* (Куприн).

Сравнительно редко обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами, употребляются при членах предложения, выраженных действительными причастиями. Синкретизм значений образа действия и места здесь также возможен, например: *...12-й год нанёс сильный удар коснеющей старине: вследствие его исчезли неслужащие дворяне, спокойно родившиеся и умиравшие в своих деревнях, не выезжая за заповедную черту их владений...* (Белинский).

Деепричастным оборотом собственно места В.М. Никитин назвал переосмысленное, переродившееся обстоятельство времени в результате трансформации значения от движения предмета к его положению, нахождению, например *не доходя и не доезжая* без значения чьего-нибудь хождения, передвижения. Ср.: *Ещё, не доходя до Звонкой борины, почти возле самой тропы, стали показываться отдельные кроваво-красные ягоды* (Пришвин) (перед Звонкой бориной); *Там, не доезжая три остановки, у вас ведь дом отдыха, меня раз туда Мария Саввишна возила, кто-то приезжал, так надо было залу убрать, посуду помыть...* (Домбровский) (в трёх остановках от чего-то). Подобный деепричастный оборот распространён в медицинско-анатомическом языке при описании изменения направления органов, сосудов, мышц, костей и т.п. (*поворачивает влево, не доходя двенадцатиперстной кишки*). Из древнерусского языка (часто в документах): *Едучи от Темникова по Чакаевской дороге, на левой стороне у дороги старая грань* (Лавр. л., 16, 1). Здесь значение места приобретено с пропуском слов *увидишь, можно увидеть*, при которых было значение времени, условия. Так от этих значений, считает учёный, деепричастный оборот через эллипсис проник в обстоятельство места. Подобное употребление деепричастия В.М. Никитин отнёс к явлениям не

языка, а речи [6, с. 230]. Другие лингвисты, однако, квалифицируют эти формы деепричастия как потерявшие связь с парадигмой глагола и пополнившие разряд производных предлогов [7, с. 712], что нам представляется более убедительным: значение дополнительного действия здесь утрачено, зато налицо синонимические отношения с другими производными предлогами (*рядом с, вблизи от* и др.). В любом случае сочетания, включающие слова *не доходя (до), не доезжая (до)*, образуют в предложении обстоятельства места (правда, в первом случае обособленные, во втором – необособленные).

В современном русском языке употребляются обособленные обстоятельства, выраженные именами существительными (особенно часто распространённые) или, реже, наречиями. Как и другие обособленные второстепенные члены, такие обстоятельства отличаются от необособленных обстоятельством большей смысловой самостоятельностью в предложении.

Обособленные обстоятельства, выраженные падежными формами имён существительных или наречиями, делятся на две группы:

1) те, которые относятся к сказуемому и квалифицируются обычно как полупредикативные или присоединительные обособленные члены; они могут выражать различные обстоятельственные отношения, в том числе пространственные. Ср.: *К ней, из недалекой деревушки, часто приходят два уже дряхлые старичка – муж и жена* (Тургенев); *Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся звук...* (Тургенев);

2) обособленные обстоятельства, которые относятся к обстоятельствам или к другим членам предложения (кроме сказуемого) и служат для их уточнения или дополнительной характеристики. Обособляются уточняющие члены, то есть члены предложения, называющие более частное, конкретное понятие по сравнению с тем, которое обозначено поясняемым словом, и пояснительные обстоятельства, обозначающие то же понятие другим словом (другими словами). Ср.: *Внизу, у реки, были видны редкие яркие машины и безумные рыбаки-подлёдники, рассеявшиеся со своими сундучками на синеватом слабом льду* (Кабаков); *Городок расположен на берегу Селигера, на полуострове, напоминающем по очертаниям «сапог», на котором лежит Италия* (Архипова); *Он вышел из низов, из деревни, это были 60-е годы* (Клейн).

Уточняющие обстоятельства места могут располагаться «цепочкой», при этом последующее уточняет предыдущее. Ср.: *Анапа – самый крупный в России семейный и детский курорт – расположен в юго-западной части Краснодарского края, на берегу Чёрного моря, на стыке равнинного Таманского полуострова и гористого, покрытого лесами полуострова Абрау, на месте древнего античного города Горгииппия* (Зенина). Уточнение или пояснение может замыкаться придаточным предложением, иногда вводимым в этот ряд контактным словом – локативным наречием. Например: *Он ничего не понимал, но сознавал, что там, в Москве, где когда-то жил народ-богоносец,*

исказили правду, свито громадное змеиное гнездо лжи, и эта ложь захватывает весь мир, отравляет его смертельным ядом разрушения (Краснов); Буря собиралась на горизонте, там, где край неба сливается с землёй и всё-таки ей противоречит (Устинова).

Уточняющие и пояснительные члены предложения отличаются от полупредикативных обособленных членов семантикой: первые лишь уточняют, конкретизируют имеющееся сообщение в какой-либо его части, вторые содержат дополнителное сообщение. Локативная семантика, выраженная обстоятельством в паре с уточняющим или пояснительным членом предложения, выражается дискретно, в несколько приемов. Благодаря этому даётся исчерпывающая характеристика места или события, направления движения.

Полупредикативные (присоединительные) обособленные обстоятельства также обладают способностью ярче необособленных выражать локативность по причине своей экстралингвистической природы: зависимости от желания говорящего акцентировать внимание на месте, направлении. Во многих случаях в одних и тех же синтаксических условиях то или иное обстоятельство может употребляться в качестве обособленного или необособленного в зависимости от того, желает или не желает говорящий подчеркнуть и выделить данное обстоятельство, чтобы обратить на него внимание, придать ему большее значение. Ср.: *Молоко коровье, сметану, творог, из деревни, с доставкой на дом в удобное для вас время* («Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 09.16. 2002); *Наш прадед Моисей был крестьянином из деревни Сухово* (Довлатов).

В сфере выражения локативности нередко наблюдается синтаксический синкретизм – совмещение (синтез) в одном члене предложения дифференциальных признаков разных членов предложения, разных их функций. Это явление свидетельствует, с одной стороны, о гибкости системы членов предложения, об их способности выражать всё разнообразие явлений действительности и отношений между ними, а с другой стороны, показывает, что только типичными членами предложения нельзя передать все оттенки значений, так как не всегда однозначны сами языковые явления, с помощью которых выражаются сложнейшие связи и отношения между явлениями действительности. Так, в словосочетании *поездка на море* у главного слова (отглагольного существительного) синкретично категориальное значение, двойная валентность: оно синтезирует предметность и действие, что обуславливает сложную семантику словосочетания. В данном случае совмещаются определительное и обстоятельственное значения, то есть зависимое слово выполняет одновременно и роль определения, и роль обстоятельства (в любом случае с пространственной семантикой). Ср.: *За недолгую жизнь девушка ещё ни разу не покидала хутора на длительный срок, всего лишь несколько раз была в станции, ещё не видела железной дороги, и первая поездка в город приводила её сердчишко в восторг, в смятение и*

трепет (Шолохов); *Перед выступлением Спивакова у входа в концертный зал стояли пикеты, призывавшие публику бойкотировать концерт советского скрипача, «засланного в США КГБ»* (Спивакова).

В различных условиях может быть сильнее или семантика определения, или семантика обстоятельства. Подобные члены предложения в некоторых источниках квалифицируются как «обстоятельственные определения» [8, с. 78].

Встречается и употребление термина «обстоятельственное дополнение» по отношению к предложно-падежным конструкциям, одинаково хорошо допускающим и вопрос дополнения, и вопрос обстоятельства, например у *сестры* в предложении *Я был у сестры*. По мнению В.М. Никитина, в данном случае надо говорить о конструкциях с двойным использованием. Более того, все те косвенные падежи существительного, которые соотносимы с указательными и вопросительными наречиями, составляют словосочетание с непереходным глаголом, имеют не объектное значение и выражают пространственные (или другие релятивные) отношения, надо считать, скорее, обстоятельствами [6, с. 132].

Появление таких членов предложения объясняют иногда экономией языковых средств, в результате которой оставшаяся часть берёт на себя функции опущенной, сохраняя и свою исконную функцию. Таким образом, «в словоформе сочетается старое значение с новым, появившимся в связи с установлением новых отношений. Например: *Вскоре за поворотом увидел он родной дом, прикорнувший под снегом, ёлочки в палисаднике в пушистых заячьих лапках на каждой веточке, – всё словно нежно заворожённое и оставшееся таким, каким было в детстве, когда, надыхав дырочку в заледеневшем стекле окна, можно было увидеть зимний сказочный мир и домики под снегом, похожие на обливные пряники* (Лидин). В словоформе *под снегом* формируется благодаря глагольной форме *прикорнувший* обстоятельственное значение места, которое сохраняется в сочетании с существительным *домики* при эллипсисе причастия. Таким образом, сохраняется значение места и приобретает значение определения при новой синтаксической связи. Аналогичное синкретичное определительно-обстоятельственное значение имеет в этом предложении и словосочетание *ёлочки в палисаднике*. В отличие от словосочетаний типа *поездка на Кавказ* в нём значение места у зависимого слова не поддержано валентными свойствами главного слова, но не почувствовать это значение невозможно: оно оправдано потребностью в выражении пространственной семантики» [там же].

Синтаксический синкретизм может проявляться в совмещении значения трёх членов предложения. Ср.: *Пар (откуда?) из чего? какой?) из парходных труб ложится на воду* (Паустовский). Словоформа *из труб* может быть квалифицирована как обстоятельство места, дополнение и определение.

Доминирующую функцию при синкретизме определить довольно сложно: необходимо рассмотреть

данный член предложения и его окружение с нескольких позиций: «При анализе членов предложения с нечётко выраженным значением обычно учитывается категориальное и лексическое значения сочетающихся слов, соотносительность словосочетаний разных лексико-семантических типов, возможность синонимических замен и включения в один сочинительный ряд неморфологизированных и морфологизированных второстепенных членов. Чаще всего в качестве критерия для определения преобладающего значения члена предложения используется категориальная семантика слова.

В отдельных случаях для определения функции словоформы недостаточно отдельного предложения. Вне широкого контекста она воспринимается как синтаксический омоним. Так, в изолированном предложении *И глядит шутник весёлый на людей со стороны* (Твардовский) член предложения *со стороны* может быть определён как обстоятельство места, если считать его связанным с глаголом (*глядеть со стороны*), и как определение с обстоятельственным оттенком, если отнести его к существительному (*людей со стороны*), автор употребил эту словоформу как обстоятельство при глаголе-сказуемом» [9, с. 327–328].

Нельзя не согласиться с мнением учёного и по поводу цели изучения синкретичных второстепенных членов предложения: «Отнесение той или иной словоформы к определённому разряду второстепенных членов предложения не является самоцелью. Второстепенные члены предложения – это синтаксическая категория, в которой обобщены многообразные значения словосочетаний, отражены типичные функции согласуемых, управляемых, примыкающих и свободноприсоединяемых форм различных частей речи. Выделение и изучение второстепенных членов предложения как конструктивного элемента распространённого предложения – одно из важных звеньев процесса познания функциональных свойств единиц речи» [там же].

Основополагающим в данной работе явился функционально-семантический подход, интегрирующий лексические и грамматические средства на основе общности их функций. Предметом рассмотрения стали единства, имеющие функционально-семантическую основу, что позволило осуществить многоаспектное изучение и описание исследуемого явления. При этом семантическая составляющая языковых фактов, так же как и в

структурно-семантических исследованиях, остаётся важнейшей.

Список литературы:

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры»; 1998. [Gak V.G. Yazykovyye preobrazovaniya. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kultury»; 1998 (In Russ).]

Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). К.: Грамота; 2004. [Rudyakov A.N. Yazyk, ili Pochemu lyudi govoryat (opyt funktsionalnogo opredeleniya estestvennogo yazyka). – Kiyev: Gramota; 2004. (In Russ).]

Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М.; 2013. [Fedoseyeva L.N. Kategoriya lokativnosti v sovremennom russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2013. (In Russ).]

Акимов Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа; 1990. [Akimova G.N. Novoye v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka. Moscow: Vysshaya shkola; 1990. (In Russ).]

Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука; 1985. [Gak V.G. K tipologii funktsionalnykh podkhodov k izucheniyu yazyka // Problemy funktsionalnoy grammatiki. Moscow: Nauka; 1985. (In Russ).]

Никитин В.М. Вопросы теории членов предложения. Рязань: РГПИ; 1969. [Nikitin V.M. Voprosy teorii chlenov predlozheniya. Ryazan: RGPI; 1969. (In Russ).]

Русская грамматика: в 2-х т./ Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко и др. М.: Наука; 1980. Т. I. [Russkaya grammatika: v 2-kh t./ N.Yu. Shvedova. N.D. Arutyunova. A.V. Bondarko i dr. Moscow: Nauka; 1980. T. I. (In Russ).]

Канонькин Н.П. Распознавание второстепенных членов предложения // «Учёные записки» Ленинградского пединст. им. Герцена. Л.; 1939. Т. 20. [Kanonykin N.P. Raspoznavaniye vtorostepennykh chlenov predlozheniya // «Uchenyye zapiski» Leningradskogo pedinst. im. Gertsena. Leningrad; 1939. T. 20. (In Russ).]

Лекант П.А. Современный русский литературный язык. М.; 1988. [Lekant P.A. Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk. M.; 1988. (In Russ).]